

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20160101
УДК 94(47)“1902/1914”+314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX в.*

Владимир Александрович Зверев,
д-р ист. наук, профессор,
Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, 28,
e-mail: sosna232@yandex.ru

Цель статьи – раскрыть масштабы, общие черты и особенности естественного движения населения в городах Западной и Восточной Сибири, Степном крае, на Дальнем Востоке начала XX в. Общие коэффициенты смертности, рождаемости и прироста городского населения в этих регионах сопоставляются друг с другом и с показателями Европейской России. Показана специфика режима и динамики естественного движения населения городов в различных регионах в зависимости от состава их жителей, характера миграционных потоков, уровня связи городского населения с деревенской средой, тенденции демографической модернизации.

Ключевые слова: Европейская Россия, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Степной край, Дальний Восток, историческая демография региона, компаративный анализ, городское население, естественное движение населения, смертность, рождаемость, естественный прирост населения.

V.A. ZVEREV

DYNAMICS OF REPRODUCTION OF THE URBAN POPULATION IN THE REGIONS OF ASIAN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

Vladimir A. Zverev,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russia,
e-mail: sosna232@yandex.ru

Researchers of the reproduction of Russian population pay attention to the process of natural movement of the urban population. In the early XX century the share of urban population increased in every region. The objective of this paper is to show the quantitative parameters, general characteristics and peculiarities of natural migrations of the population in certain regions of Asian Russia in the first decades of the XX century. The author considers the chronological dynamics of the situation in Western and Eastern Siberia, the Steppe krai and the Far East; compares various regions with each other and with European Russia as a demographic center of the country. Based on the the data of the General medical inspector of the Ministry of Internal Affairs of the Russian empire (1902–1914) the author for the first time in historiography calculated birth and death rates, the rate of natural increase – number of demographic events per 1,000 population in various regions. Calculation data for all years are tabulated, particularly for the years 1902–1905, 1906–1909 and 1910–1914. the dynamics is presented in three histograms. The conclusions based upon the comparative analysis of the research findings are as follows: 1) the traditional type of reproduction of the population dominated in the early XX century in European Russia

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00109.

and in all regions of Asian Russia implying high birth and death rates and modest natural increase; 2) natural population increase was more rapid in the east of the country, as opposed to the situation in European Russia where the demographic indicators began to decrease by the end of the XIX century; 3) certain signs of the first phase of demographic modernization manifested themselves in the cities of Asian Russia (e. g. reducing birth rate and especially death rate, higher rate of natural increase); 4) there were essential differences in character and dynamics of natural movement of urban population in various regions of Asian Russia depending on the population composition, intensity of migratory streams, level of communication of urban population with their rural environment.

Key words: European Russia, West Siberia, East Siberia, Steppe Region, Far East, historical demography, comparative analysis, urban population, reproduction of population, natural population dynamics, death rate, birth rate, natural increase of population.

Внимание ученых, изучающих народонаселение России новейшего периода ее истории, нередко привлекает процесс естественного движения городского населения. В эпоху урбанизации динамика именно городского населения, быстро увеличивавшего свою численность и долю среди жителей всех регионов, определяла господствующие тенденции и перспективы возобновления поколений россиян. Естественное движение населения в ряде регионов и субрегионов Азиатской России применительно к концу имперского периода рассматривали Р.И. Сифман [1], В.М. Кабузан [2, с. 96–156; 3, с. 34–37], Л.Л. Рыбаковский [4, с. 57–69] и другие ученые, не выделяя городское население. В.И. Пронин уделил горожанам Сибири больше внимания (см., например: [5]), но не учитывал жителей Дальнего Востока (кроме Якутии), не проводил систематических региональных сравнений. В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров изучали воспроизводство городского населения Западной Сибири, но сравнивали его по ряду параметров лишь с Европейской Россией [6, с. 79–93, 248–250]. Цель настоящей статьи – в ходе компаративного анализа раскрыть количественные параметры, общие черты и особенности воспроизводства населения городов в различных регионах Азиатской России в начале XX в.

Зауральская часть Российской империи разделена в данном случае на несколько частей. Западная Сибирь рассматривается в существовавших в изучаемый период административных границах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской области. Восточная Сибирь охватывает Енисейскую и Иркутскую губернию, Забайкальскую область. Степной край ограничивается Семипалатинской и Акмолинской областями (последняя нами учтена дважды – в составе и Западной Сибири, и Степного края, поскольку бесспорную границу между этими двумя регионами провести невозможно). Выделен также Дальний Восток в пределах Якутской, Амурской, Приморской областей и о. Сахалин. В составе этого региона учтены также Камчатская область, выделенная из Приморья в 1909 г., и Сахалинская область, учрежденная в том же году в северной части острова.

В качестве эталона при сравнении динамики воспроизводства населения в зауральских регионах мы привлекаем Европейскую Россию, всегда являвшуюся демографическим центром страны и сравнительно хорошо изученную в историко-демографическом плане. В трудах А.Г. Вишневского и его коллег (см., например: [7, с. 160–163]), Б.Н. Миронова [8, с. 96–137] и других ученых ситуация Европейской России, в том

числе характер естественного движения населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. В некоторой степени это оправданно, ведь к западу от Урала проживало более 90 % россиян. Однако все же европейская часть – далеко не вся страна, демография восточных окраин имела свои особенности, и мы это увидим далее на примере исторической динамики воспроизводства городского населения.

Хронологически статья охватывает период 1902–1914 гг., относительно которого по городскому населению всех губерний и областей Российской империи, в том числе зауральских, имеются необходимые для демографических расчетов ежегодные статистические данные. Эта статистика восходит к итогам Всеобщей переписи населения 1897 г., последующим административно-полицейским исчислениям, ежегодным записям в метрических церковных книгах. Собирало и корректировало всю эту информацию, через посредство местных статистических комитетов, имперское ведомство – Управление главного врачебного инспектора (в 1916 г. – Главное управление государственного здравоохранения). Источниковедческий анализ показывает, что данные указанного ведомства о численности населения, количестве рожденных и умерших, относящиеся к Азиатской России, обладают высоким качеством [9].

Мы сгруппировали по регионам губернский и областные данные за каждый год, а затем высчитали общие коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста – количество демографических событий, приходившихся на тысячу горожан в интересующих нас регионах¹. Ежегодные смертность и рождаемость измерялись 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году, естественный прирост – разностью между рождаемостью и смертностью. Результаты расчетов, которые обо-

¹ Показатели таблицы и рис. 1–3 в данной статье подсчитаны по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я паг.); Отчет... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я паг.); Отчет... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я паг.); Отчет... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

значаются демографами с помощью символа ‰ (промилле), сведены в помещенную ниже таблицу. Чтобы представить хронологические изменения показателей воспроизводства населения в общем виде, нивелируя влияние особенностей конкретного года, мы затем

сгруппировали данные в четырех-, пятилетние этапы. Показатели измерены здесь как средние арифметические всех годовых данных. Поэтапная динамика естественного воспроизводства населения городов представлена в настоящей статье в трех гистограммах.

Естественное движение городского населения регионов в 1902–1914 гг. по годам, ‰

Год	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Степной край	Дальний Восток	Европейская Россия
<i>Смертность</i>					
1902	36,6	32,6	35,4	25,4	25,8
1903	28,3	33,7	24,0	20,2	25,9
1904	37,6	32,4	42,5	20,7	26,7
1905	30,8	40,5	35,4	23,4	27,6
1906	43,0	37,2	40,9	28,5	26,6
1907	45,8	36,0	43,1	26,1	27,5
1908	34,1	33,4	40,9	22,6	26,9
1909	38,4	32,3	42,1	18,5	27,9
1910	41,4	29,4	43,4	19,8	26,7
1911	31,9	29,5	26,1	21,7	24,2
1912	26,7	26,7	26,9	26,8	23,7
1913	28,1	23,7	24,7*	18,6	22,1
1914	26,0	25,3	24,7*	21,1	20,7
<i>Рождаемость</i>					
1902	43,8	43,1	50,0	34,7	37,6
1903	41,8	46,2	39,6	31,7	36,6
1904	46,2	36,3	50,6	32,7	38,2
1905	37,9	42,6	45,6	33,7	36,2
1906	52,1	45,0	55,1	40,0	36,6
1907	57,4	47,9	56,6	31,3	37,9
1908	45,1	44,2	54,0	34,9	36,1
1909	53,7	40,2	52,9	37,2	36,5
1910	52,0	41,5	57,6	26,6	35,5
1911	43,0	47,3	40,3	31,8	34,9
1912	36,7	41,1	38,9	37,3	34,2
1913	37,8	35,6	35,5*	31,6	29,8
1914	36,3	38,1	35,5*	38,9	27,7
<i>Естественный прирост</i>					
1902	7,2	10,5	14,6	9,3	11,8
1903	13,5	12,5	15,6	11,5	10,7
1904	8,6	3,9	8,1	12,0	11,5
1905	7,1	2,1	10,2	10,3	8,6
1906	9,1	7,8	14,2	11,5	10,0
1907	11,6	11,9	13,5	5,2	10,4
1908	11,0	10,8	13,1	12,3	9,2
1909	15,3	7,9	10,8	18,7	8,6
1910	10,6	12,1	14,2	6,8	8,8
1911	11,1	17,8	14,2	10,1	10,7
1912	10,0	14,4	12,0	10,5	10,5
1913	9,7	11,9	10,8*	13,0	7,7
1914	10,3	12,8	10,8*	17,8	7,0

*Вычисленные по источнику средние за два года (1913–1914) коэффициенты показаны здесь как годовые величины.

Анализ хронологической динамики воспроизводства городского населения в Азиатской России начнем с коэффициентов **смертности**. Первое, на что следует обратить внимание при знакомстве с соответствующими данными таблицы и рис. 1, – это характерная для всех зауральских регионов, как и для центра страны начала XX в., очень высокая смертность горожан. Средняя величина коэффициентов смертности в динамических рядах больше всего была в Степном крае (34,6 %), чуть меньше – в Западной (34,5 %) и Восточной (31,7 %) Сибири. Дальний Восток имел более скромную летальность в 22,5 %, он, единственный за Уралом, уступал Европейской России, где этот показатель равнялся 25,6 %.

Непомерно высокий уровень смертности даже у городского населения России имперского периода, не говоря уже о сельском, был, как считают ученые, яркой чертой устаревшего уже к началу XX в., но продолжавшего пока доминировать традиционного типа воспроизводства населения [9, с. 135]. Вместе с тем гистограмма на рис. 1 показывает общую черту в динамике летальности горожан во всех регионах Азиатской России – снижение смертности в конце изучаемого периода по сравнению с его началом. Эта черта роднит зауральские города с городами Европейской России. Снижение летальности, отразившееся и в иных исторических источниках, стало одним из достижений процесса модернизации традиционного общества, зарождавшегося, прежде всего, именно в городах. На восточных окраинах, как и в центре страны, первые, пока еще очень скромные, результаты дали усилия государственных органов, городского самоуправления, предприимчивых горожан, направленные на развитие санитарно-гигиенической культуры населения и сети медицинского обслуживания, благоустройство городской среды, повышение благосостояния горожан, развитие их личностного самосознания. Следует отметить, что самый низкий среди всех регионов Азиатской России уровень смертности имели города Дальнего Востока. Будучи не только административными и транспортными центрами, но и военными форпостами, они в связи с этим отличались тем, что имели среди обывателей высокую

долю лиц среднего возраста, для которых были характерны низкие показатели смертности, а также низкий уровень руризации населения («окрестьянивания» в результате притока сельских жителей); кроме того, здесь лучшей была и постановка медицинского и школьного дела.

Однако ситуацию не следует идеализировать. На рис. 1 показано, что конечный спад смертности предварялся в середине изучаемого периода, на этапе 1906–1909 гг., временным повышением летальности в городах Западной Сибири, Степного края, Дальнего Востока, как и Европейской России. Несомненно, смертность увеличилась в данном случае вследствие того, что произошел всплеск рождаемости (как мы увидим ниже). В условиях, когда общий уровень смертности определялся главным образом летальностью младенцев, действовала такая закономерность: чем больше детей рождалось, тем больше их умирало. Все же одновременно с этим, как нам представляется, увеличение смертности стало одним из проявлений того экономического и общественно-политического кризиса, который переживала Россия в начале XX в. Сказался и подъем переселенческого движения на восточные окраины, пик которого пришелся на 1906–1909 гг. Мигрировали из Европейской России в основном крестьяне, но немалая их часть останавливалась и в азиатских городах – временно или на постоянное жительство. По объективным причинам у новоселов отмечалась особенно высокая смертность. Поэтому закономерно, что наибольший подъем смертности в Азиатской России в 1906–1909 гг. приходился на города Степного края и Западной Сибири – тех регионов, которые приняли больше всего мигрантов. Уникальность Восточной Сибири, вместившей в годы столыпинской аграрной реформы сравнительно мало мигрантов, заключалась в том, что здесь в начале XX в. скачка летальности не произошло.

В процессе постоянного возобновления населения ключевую роль играет **рождаемость**, посредством которой происходит физическая замена стареющих и вымирающих поколений. Таблица и гистограмма (рис. 2) позволяют увидеть следующие закономерности в ди-

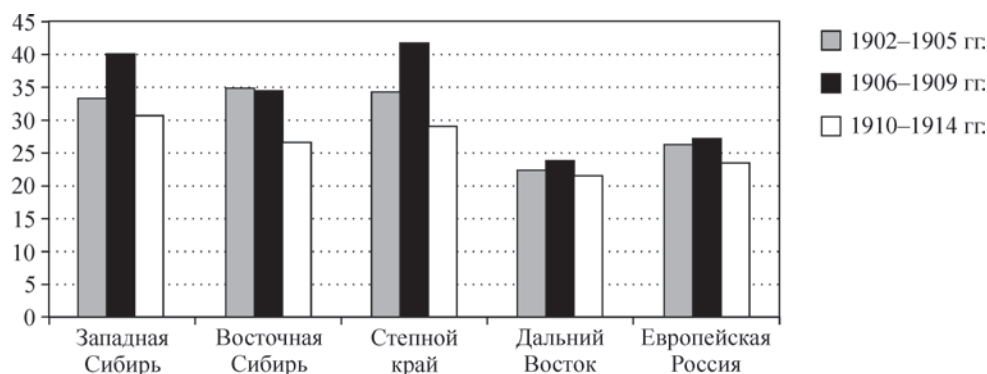

Рис. 1. Динамика смертности городского населения по этапам, %

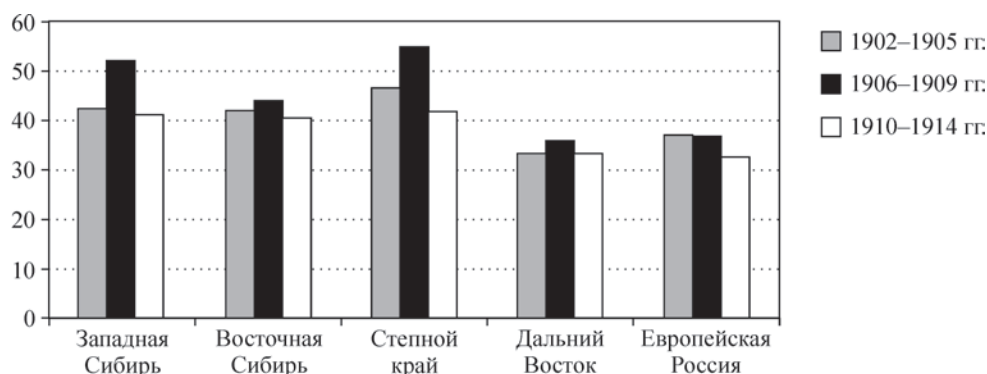

Рис. 2. Динамика рождаемости городского населения по этапам, %

намике рождаемости городского населения в регионах Азиатской России начала XX в.

Как и в случае показателей смертности, и в Азиатской, и в Европейской России отмечался очень высокий уровень рождаемости. Средняя величина коэффициента рождаемости в трех динамических рядах, относящихся к Степному краю, была наибольшей – 47,1 %. Уровень репродукции в Западной и Восточной Сибири характеризовался более низкими значениями: 44,9 и 42,2 % соответственно. Дальний Восток и здесь отставал, имея 34 %, он являлся единственным восточным регионом, уступавшим Европейской России с ее рождаемостью – 35,2 %. В традиционном обществе, каковым в основном оставалась Россия в конце имперского периода, высокая рождаемость была закономерным явлением. Объективно она призвана была компенсировать непомерно высокую смертность, демонстрировала отсутствие эффективных способов контрацепции, субъективно же отражала приверженность церковным установкам и жизненный фатализм. Будучи производной от весьма устойчивых структур традиционного сознания и демографического поведения людей, рождаемость в своей количественной и содержательной динамике являлась более консервативной, чем смертность. Констатируем однако, что почти во всех азиатских регионах, кроме Дальнего Востока, произошло небольшое сокращение рождаемости на конечном этапе изучаемого периода по сравнению с начальным этапом. Европейская Россия более явно продемонстрировала наличие тенденции к снижению уровня рождаемости в городах, чем Азиатская.

Опять же по аналогии с летальностью, во всех восточных регионах страны в 1906–1909 гг. произошел всплеск рождаемости. Конечно, он имел компенсаторный характер. После Русско-японской войны и революционных потрясений, когда сибиряки-горожане заключали меньше браков, вынужденно откладывали зачатие и рождение детей, наблюдался своего рода демографический бум. Но это не было единственной причиной временного подъема рождаемости. Примечательно, что наибольшие масштабы он имел в Степ-

ном крае и Западной Сибири – тех регионах, которые привлекали больше всего переселенцев из Европейской России. Часть аграрных мигрантов вслед за переселенцами индустриальными, приехавшими в сибирские города на заработки, оседала в городах Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области. Среди новоселов было особенно много молодых людей, охотно вступавших в брачные и консенсуальные альянсы, следствием которых стало рождение детей. Неслучайно Дальний Восток с «некрестьянским» характером его городов, высокой долей в структуре населения военнослужащих, чиновничества, представителей городских сословий имел самую низкую в Азиатской России рождаемость населения на протяжении всего изучаемого периода.

Обратимся теперь к динамике **естественного прироста** населения. Таблица и гистограмма (рис. 3) помогут нам выяснить, как соотносились между собой и менялись показатели, интегрировавшие масштабы смертности и рождаемости горожан.

Отметим прежде всего невысокий в целом уровень прироста населения в азиатских городах, как и в городах Европейской России. На востоке страны средний ежегодный показатель за 1902–1914 гг. составлял 10–12 %. К западу от Урала он был еще меньше – 9,7 %. Такие значения действительно невелики, если вспомнить, что за счет высокого естественного прироста сельского населения данный показатель всей Российской империи (без Финляндии) в 1897–1913 гг. равнялся 16,8 % (подсчитано по: [1, с. 80]), а всей Азиатской России в 1897–1914 гг. – 19,2 % [10, с. 95]. Однако следует учитывать, что до конца XIX в. естественный прирост городского населения на востоке страны был крайне неустойчивым и преимущественно дефицитным, изучаемый же период стал временем нормализации и повышения его уровня.

В 1910–1914 гг. «сальдо» рождаемости и смертности в городах всех регионов Азиатской России было большим, чем в 1902–1905 гг. Картину последовательного нарастания искажает, впрочем, всплеск естественного прироста в 1906–1909 гг. в Западной Сибири, Степном крае и на Дальнем Востоке. Это вре-

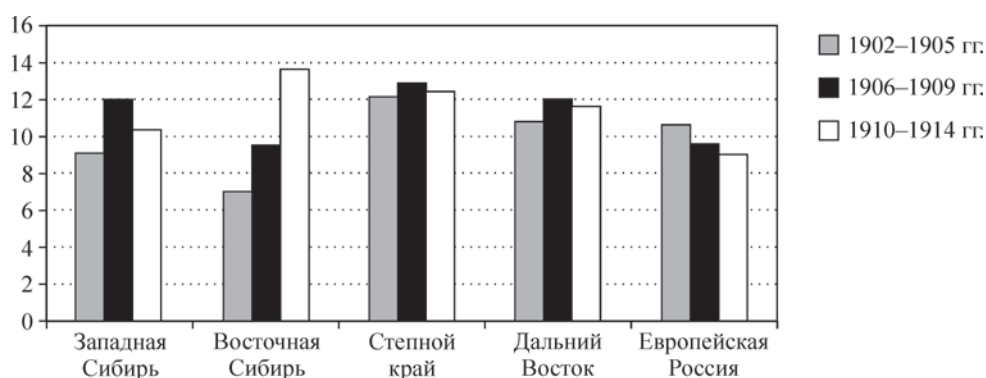

Рис. 3. Динамика естественного прироста городского населения по этапам, %

менное явление связано с неординарным повышением уровня рождаемости, причины которого рассматривались выше. К 1909 г. схлынула компенсаторная волна усиленной репродукции, уменьшились масштабы переселенческого движения, половозрастная структура семей новоселов, устроившихся в городах, стала нормализоваться, поэтому произошел спад рождаемости и естественного прироста населения. Но это конъюнктурное снижение не смогло переломить генеральную для изучаемого периода тенденцию увеличения масштабов естественного прироста населения в зауральских городах.

Следует отметить последовательное, лишенное временного всплеска увеличение прироста населения в городах Восточной Сибири. Возможно, такая динамика объясняется относительно малым присутствием мигрантов и доминированием «природных сибиряков» в этих городах, особенно в Иркутской губернии и Забайкальской области. Так проявилась разница между «старожильческим» и «переселенческим» вариантами начальной фазы демографической модернизации [10].

Что касается **общих выводов**, то мы увидели, что в начале XX в. в городском населении всех регионов Азиатской России, как и в городах европейской части страны, доминировал традиционный тип воспроизводства населения. Его атрибутами были высокий уровень рождаемости и смертности, низкий баланс естественного прироста. В рамках единого типа существовали некоторые отличия показателей и специфика хронологической динамики последних в разных регионах. Они объясняются главным образом различиями в социальной, этнической, сословной и субсословной структуре населения, масштабами миграционных влияний, уровнем демографической и социокультурной связи с местной деревенской средой. Наибольшее сходство обнаруживается у городов Западной Сибири и Степного края, тесно связанных с крестьянским окружением, интегрировавших много аграрных мигрантов из центра страны. К ним примыкают города Восточной Сибири, имевшие все же существенную специфику. Особняком стояли горо-

да Дальнего Востока, часть которых располагалась на фронтальной территории в Приамурье и Приморье, имела половозрастную и брачную диспропорцию в населении, играла индифферентную или транзитную роль в аграрных миграциях своего времени.

В ходе исследования обнаружились отличия в режиме воспроизводства населения в городах азиатских регионов от Европейской России. Наиболее яркое из них заключалось в разной направленности динамики естественного прироста. На востоке страны прирост в целом увеличивался, а в центре он сокращался и к началу Первой мировой войны имел наименьшие показатели. Привлеченные материалы позволяют выделить и в центре, и в зауральской части страны пока еще слабые признаки перехода от традиционного к современному (модернизированному, экономному) типу воспроизводства городского населения. Главный признак – сокращение смертности и (в меньшей степени) рождаемости в конце изучаемого периода по сравнению с его началом во всех без исключения регионах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
2. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
3. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
4. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
5. Пронин В.И. Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 88–102.
6. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
8. Мионов Б.Н. Историческая социология России: учеб. пособие. СПб.: Издат. дом СПб. ун-та; Интерсоцис, 2009. 536 с.
9. Зверев В.А. Статистика медицинского ведомства vs. данные губернаторских отчетов: источники для изучения естественного

движения населения в Азиатской России конца имперского периода // Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2014. Вып. 3. С. 138–150.

10. Зверев В.А. Первая фаза демографического перехода на пространстве Азиатской России: «старожильческая» и «переселенческая» модели // Демографическое пространство Азии: история, современность и гипотезы будущего. Новосибирск: Параллель, 2011. [Вып. 1]. С. 92–100.

REFERENCES

1. Sifman R.I. Dynamics of the population of Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow: Statistika, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)
2. Kabuzan V.M. The Far Eastern region at the XVII – the beginning of the XX century (1640–1917): history-demographic description. Moscow: Nauka, 1985, 260 p. (In Russ.)
3. Kabuzan V.M. Population of Siberia and Far East in the late XVIII – early XX century. *Istoriya SSSR*. 1979, no 3, pp. 22–38. (In Russ.)
4. Rybakovskii L.L. Population of the Far East over 150 years. Moscow: Nauka, 1990, 168 p. (In Russ.)
5. Pronin V.I. Urban and rural population of Siberia in the late XIX – early XX century. *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskii period*. Novosibirsk: NSU, 1984, pp. 88–102. (In Russ.)
6. Skubnevskii V.A., Goncharov Yu.M. The West Siberia cities in the second-half of the XIX – the beginning of the XX century: Population. Economy. Building and improvement. Barnaul: Azbuka, 2007, 292 p. (In Russ.)
7. Demographic modernization of Russia, 1900–2000 / ed. by A.G. Vishnevskii. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006, 608 p. (In Russ.)
8. Mironov B.N. Historical sociology of Russia: teaching aid. St. Petersburg: Izdat. dom. SPb. un-ta, Intersotsis, 2009, 536 p. (In Russ.)
9. Zverev V.A. Statistics of the medical department vs. data of the governor reports: sources for studying the natural population change in Asian Russia of the late imperial period. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego*. Novosibirsk: Parallel', 2014, v. 3, pp. 138–150. (In Russ.)
10. Zverev V.A. First phase of demographic transition on the space of Asian Russia: “old-resident” and “migratory” models. *Demograficheskoe prostranstvo Azii: istoriya, sovremennost' i gipotezy budushchego*. Novosibirsk: Parallel', 2011, v. 1, pp. 92–100. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.01.2016